

И. В. Баженовъ.

ГДЪ

Михаиль Веодоровичъ Романовъ

съ матерію

инокинею Мареою

НАШЕЛЪ БЕЗОПАСНОЕ ДЛЯ СЕБЯ УБЪЖИЩЕ

отъ преслѣдованій поляковъ

ВЪ НАЧАЛЪ 1613 ГОДА?

— — — — —

КОСТРОМА.

Типографія М. Ф. Риттеръ.

1911.

Гдѣ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ съ матерію, инокинею Марѳою нашель безопасное для себя убѣжище отъ преслѣдованій поляковъ въ началѣ 1613 года? *)

Приближается радостная для Россіи трехсотлѣтняя годовщина царствованія Дома Романовыхъ. Къ этому юбилейному торжеству уже теперь обращены взоры всей Россіи и даже Европы. Въ виду предстоящего грандіознаго юбилея важно съ историческою точностію установить и съ возможною полнотою освѣтить разные эпизоды и моменты, относящіеся къ обстоятельствамъ избранія и воцаренія Михаила Ѳедоровича. При рассмотрѣніи такихъ обстоятельствъ, между прочимъ, выступаетъ вопросъ о томъ, гдѣ юный бояринъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ съ матерію инокинею Марѳою въ началѣ 1613 года нашель безопасное для себя убѣжище отъ преслѣдованій и покушеній поляковъ вслѣдствіе соборнаго въ Москвѣ избранія его на царственный тронъ російскій?

Господствующая въ монографіяхъ о смутномъ времени въ Россіи и въ учебныхъ историческихъ пособіяхъ аксіоматичность того представленія, что такимъ убѣжищемъ для Романовыхъ въ началѣ 1613 года послужилъ Ипатіевскій монастырь въ г. Костромѣ, могла бы, по видимому, исключать постановку и какъ бы дебатированіе означеннаго вопроса, -- однакоже не всецѣло и безусловно. Дѣло въ томъ, почти съ начала XIX вѣка даже до послѣднихъ временъ встрѣчаются хотя немногіе оппоненты въ этой именно области, что, впрочемъ, не должно приводить въ изумленіе при существованіи подобныхъ же прецедентовъ въ сравнительно недавнее время. Небезызвѣстенъ вѣдь рѣзкій выпадъ историка Н. Костомарова, который съ упорствомъ отрицалъ общепринятую фактичность великаго патріотическаго подвига Ивана Сусанина, отнюдь не желая считаться съ двумя грамотами царя Михаила Ѳедоровича а) отъ 1619 года о пожалованіи крестьянину Богдану

---

*)Рефератъ на XV Всероссийскомъ Археологическомъ съѣздѣ въ Новгородѣ, въ засѣданіи 26 іюля 1911 года. Отзывы о рефератѣ напечатаны въ № 6 «Извѣстій XV Археологическаго съѣзда въ г. Новгородѣ» въ 1754 № газеты «Россія», въ № 31 отъ 5 авг. «Новгородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» въ «Свѣтѣ» и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ.

Сабинину за службу и «за кровь тестя его Ивана Сусанина» изъ округа дворцоваго села Домнина половины деревни Деревенищъ съ полутора четвертями выти земли съ обьленіемъ или съ освобожденіемъ его и всего его потомства отъ всякихъ податей, кормовъ и разныхъ поборовъ и б) отъ 1633 года о пожалованіи вдовѣ Сабинина Антонидѣ за подвигъ И. Сусанина на тѣхъ же обьльныхъ правахъ пустоши Коробово зъ 24 чети земли взаимѣнъ половины Деревенищъ по случаю перехода ихъ вмѣстѣ съ селомъ Домнинымъ, по завѣщанію старицы Марѣы Ивановны (+1631 г.), къ Ново-Спасскому монастырю,—равно не желая принять во вниманіе подтвердительныя на право владѣнія Коробовымъ за подвигъ Сусанина церскія грамоты отъ 1644, 1731 и 1767 годовъ. Подобное же безразборчиво — отрицательное отношеніе къ поставленному нами вопросу обнаружилось въ засѣданіи 30 минуваго января Костромской губернской ученой архивной комисіи по поводу моего реферата подъ заглавіемъ «Московскій и Костромской крестный ходъ въ Ипатіевъ монастырь 14 марта 1613 года». По поводу означеннаго доклада, какъ замѣчено въ «Поволжскомъ Вѣстникѣ» отъ 4 минуваго февраля за № 1386, Л. П. Скворцовъ (изъ мѣстныхъ врачей) доказывалъ и весьма основательно, что Михаилъ Федоровичъ не могъ укрываться въ чуждомъ дому Романовыхъ Ипатіевскомъ монастырѣ. Затѣмъ въ отвѣтъ на мое выраженіе, въ 1417 № того же Вѣстника отъ 13 марта тотъ же оппонентъ ¹⁾, ссылаясь на свидѣтельства князя Козловскаго и барона Коппенгаузена, продолжалъ уже печатно утверждать, «что мать и сынъ Романовы, когда дошла до нихъ вѣсть, что Михаила Федоровича избрали на царство и что послы направились въ Кострому, и когда уже произошло очищеніе государства отъ враговъ, прибыли изъ села Домнина въ Кострому и остановились въ своемъ осадномъ дворѣ и по просьбѣ костромскихъ жителей переправились (перѣехали) въ келью Ипатіевскаго монастыря для принятія посольства». Въ виду такого, двукратно опубликованнаго въ мѣстной газетѣ, заявленія, могущаго служить къ дискредитированію исторической значимости самаго Ипатіевскаго монастыря, какъ мѣста убѣжища для родоначальника Романовыхъ въ началѣ 1613 года, я въ интересахъ самой истины и съ предложеніемъ послать

¹⁾ На сдѣланное г. Скворцовымъ въ 1417 № «Поволжскаго Вѣстника» возраженіе препровожденъ мною въ редакцію этой газеты отвѣтъ отъ 24 минуваго марта, но онъ не напечатанъ почему то... Въ настоящемъ рефератѣ имѣются въ виду всѣ печатныя возраженія Скворцова, при чемъ отвѣтъ на нихъ дается не столько полемически, сколько положительно—въ самомъ изложеніи раскрываемыхъ доводовъ.

ныхъ услугъ къ точному созиданію или обоснованію провинціальной исторіи пользуясь нынѣ удобнымъ случаемъ представить на обсужденіе просвѣщеннаго собранія свои оппозиціонныя высказанію взгляду положенія и соображенія, имѣя въ перспективѣ оправданіе древняго афоризма: *ex contrariis nascitur veritas*.

Прежде чѣмъ приступать къ выясненію и мѣстно-исторической установкѣ дебатруемаго факта, необходимо здѣсь хотя въ краткихъ чертахъ представить тѣ историческія обстоятельства государства Россійскаго, при которыхъ бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ съ матерію инокинею Марѳою былъ поставленъ въ трагическое положеніе свое. То было въ періодъ великой разрухи московскаго государства или, точнѣе, въ концѣ смутныхъ временъ, тягчайшихъ для государства и св. православной церкви, когда Россія была внѣшне разорена злодѣйствами поляковъ и литовцевъ, безнаказанно производившихъ насилія въ городахъ и весяхъ, а главное глубоко потрясены были основы государственной ея жизни, какъ самыми появленіями разныхъ самозванцевъ, претендовавшихъ на царскій тронъ Россіи, такъ и усиленными стремленіями утвердить на московскомъ престолѣ польскаго королевича Владислава, сына Сигизмунда. Печальное и даже гибельное состояніе Россіи весьма много обусловилось и довершалось и гнусными интригами и раздорами среди русскихъ вельможъ, изъ коихъ оказалось немало измѣнниковъ отечеству. Но вотъ великими трудами русскихъ витязей — князя Дмитрія М. Пожарскаго и Космы З. Минина и келаря Троице-Сергіевой лавры Авраамія Палицына Москва въ половинѣ октября 1612 года и затѣмъ многія вѣси Россіи къ концу этого года были очищены отъ враговъ внѣшнихъ, и для надлежащаго умиротворенія отечества, для водворенія и упроченія государственной власти, для спасенія русской народности и вмѣстѣ св. православной вѣры отъ ига иновѣрныхъ поляковъ оставалось избрать главу государству — царя православнаго изъ доблестныхъ сыновъ земли Русской. Уже 7 февраля 1613 года въ Москвѣ состоялось предварительное, а 21 февраля совершилось окончательное соборное притомъ единогласное избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова, котораго еще патриархъ Гермогенъ преуказалъ въ царя Россіи, и тогда въ недѣлю православія всѣ жители Москвы въ Успенскомъ соборѣ и затѣмъ окрестныхъ городовъ присягнули на вѣрность новоизбранному государю по крестоцѣловальной грамотѣ, уложенной Московскимъ земскимъ совѣтомъ. Вслѣдствіе этого съ предложеніемъ царскаго скипетра Михаилу Ѳеодоровичу сваряжено было отъ земскаго совѣта и 2 марта отправилось въ г. Кострому торжественное и многочисленное посольство какъ изъ высшаго духовнаго чина во главѣ съ разанскимъ архіепископомъ Ѳеодори-

томъ, такъ и изъ именитыхъ бояръ и всякихъ чиновъ московскаго государства.

Между тѣмъ Михаилъ Федоровичъ съ матерію инокинею Мар-
ою, лишь 25 октября 1612 года освобожденный изъ плѣна въ
московскомъ кремлѣ, въ которомъ держали ихъ вмѣстѣ съ дядей
Иваномъ Никитичемъ въ качествѣ заложниковъ польскіе на-
чальники, проживалъ тогда въ Костромской своей вотчинѣ — селѣ
Домнинѣ (въ 70 верстахъ отъ г. Костромы) — въ полной надеждѣ,
что они достаточно укрыты отъ военныхъ бурь того времени и
отъ вражескихъ нападеній, и совершенно не вѣдалъ о совершив-
шемся въ Москвѣ избраніи его на всероссійскій тронъ. Но прежде
чѣмъ представительное московское посольство успѣло прибыть въ
г. Кострому, Михаилъ Федоровичъ подвергся великой опасности отъ
поляковъ. Узнавши скорѣе о томъ, что на великомъ московскомъ
земскомъ соборѣ рѣшительно избранъ царемъ юный Михаилъ вмѣсто
ранѣе предположеннаго польскаго королевича Владислава, поляки со-
ставили дерзкій умыселъ въ цѣляхъ воцаренія Владислава отнять
у Россіи новозбраннаго царя православнаго. Одному изъ польско-
литовскихъ отрядовъ, продолжавшихъ бродить для грабежа въ мѣ-
стахъ приволжскихъ и заволжскихъ, поручено было тайно проник-
нуть въ отчинное село Домнино, чтобы внезапнымъ нападеніемъ
тамъ захватить Михаила Федоровича и отправить его въ Польшу,
а въ случаѣ сопротивленія даже и убить его. Но жизнь этому
всенародному избраннику на царство спасла извѣстная патриоти-
ческая хитрость старосты — крестьянина Ивана Сусанина. Бывъ
встрѣченъ отрядомъ поляковъ вблизи своей деревни Деревнищъ,
въ трехъ верстахъ отъ Домнина, Сусанинъ послѣ уклончивыхъ
отвѣтовъ на распросы поляковъ о мѣстопребываніи Михаила Фе-
доровича Романова вынужденъ былъ по ихъ приказу явиться
невольнымъ проводникомъ къ вотчинной усадьбѣ Романовыхъ. И вотъ,
догадавшись о зломъ умыслѣ поляковъ, И. Сусанинъ какъ бы съ
цѣлью указать надлежащую дорогу къ Домнину, намѣренно заво-
дитъ спутниковъ въ лѣсную глушь подальше отъ большой туда
дороги. Ночью же въ мѣстности лѣсистой и занесенной снѣгомъ,
во время сна утомившихся поляковъ, Сусанинъ нашелъ возмож-
ность съ большою осторожностію передать разыскавшему его
здѣсь зятю Богдану Сабинину о предстоящей великой опасности
для Михаила Федоровича и матери его, причѣмъ просилъ какъ
можно скорѣе извѣстить ихъ объ этомъ. Затѣмъ, утромъ И. Су-
санинъ снова повелъ поляковъ блуждать по лѣснымъ чащамъ и
замерзшимъ болотамъ, по видимому, стараясь отыскать затеря-
нную дорогу къ с. Домнину. Наконецъ, при полной своей увѣрен-
ности, что Б. Сабининъ уже успѣлъ выполнить данное поруче-

ніе, доблестный старецъ—патріотъ неустранимымъ своимъ признаніемъ разрѣшилъ самъ догадку поляковъ, что они обмануты, своимъ проводникомъ, и тогда Сусанинъ послѣ многихъ пытокъ былъ убитъ поляками близъ села Исупова, въ 10 верстахъ отъ Домнина. Между тѣмъ извѣщенные Б. Сабиннымъ о столь близкой, угрожающей юному всероссійскому избраннику, опасности отъ злодѣевъ, Марѳа Ивановна и сынъ ея Михаилъ поспѣшно достигаютъ г. Костромы.

Прежде чѣмъ вступить въ самое рѣшеніе вопроса: гдѣ же въ этомъ городѣ они нашли для себя безопасное убѣжище или пріютъ?—нельзя здѣсь обойти молчаніемъ варианта стариннаго преданія объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось спасеніе жизни отрока Михаила Федоровича, какъ о томъ повѣствуется въ рукописи подъ заглавіемъ «Краткая исторія о несчастіяхъ боярина Федора Никитича Юрьева—Романова, родныхъ его и супруги Ксеніи, рожденной Шестовыхъ, также о спасеніи отъ поляковъ и литвы въ 1613 году ихъ сына» и т. д. Рукопись эта пожертвована въ половинѣ 1900 года Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи дворяниномъ Г. В. Мягковымъ, -- по почерку принадлежитъ ¹⁾ къ сороковымъ годамъ минувшаго столѣтія (но не ранѣе 1835 года, такъ какъ въ ней имѣется ссылка на іюльскую книжку журнала «Библіотека для чтенія» за 1835 годъ). Собиратели преданія о подвигѣ Ивана Сусанина и излагатели этого преданія въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ указывали, что Михаилъ Федоровичъ былъ спрятанъ бурмистромъ Домнинской вотчины крестьяниномъ деревни Деревенищъ Иваномъ Осиповичемъ Сусанинымъ въ подземныхъ тайникахъ усадебнаго въ с. Домнинѣ господскаго дома. Мѣстные историки Костромскаго края (князь А. Козловскій, протоіерей М. Діевъ и В. Самарановъ) въ виду этого преданія не преминули однакоже упомянуть о томъ, что относительно собственно мѣста укрытія будущаго царя —отрока Михаила существовало и другое преданіе, именно — что овъ былъ временно скрытъ И. Сусанинымъ въ ямѣ только что сгорѣвшаго крестьянскаго овина въ Деревенищахъ и будто въ этой деревнѣ, а не среди лѣсныхъ болотъ погибъ Сусанинъ. Кре-

— ¹⁾ По содержанію своему эта рукопись сходна съ рукописью о томъ же преданіи Назарова, которая была въ пользованіи Павла П. Свиныина, извѣстнаго издателя Отечественныхъ Записокъ. По многимъ признакамъ Н. Н. Селифонтовъ справедливо призналъ составителемъ рукописи «титularнаго совѣтника Иванъ Даниловича Юрданскаго», родного брата протоіеря Алексѣя Даниловича Домнинскаго, который однако въ оставшихся запискахъ изложилъ совершенно иное преданіе, перешедшее и въ печать.

стьяне означенной деревни доселѣ указываютъ слѣды этой обвинной ямы и съ послѣдней имѣется въ Ученой Архивной Комиссіи фотографическое изображеніе. Преданіе объ этомъ-то овиѣ и занесено въ принадлежащую Костромской Архивной Комиссіи рукопись, которая, начинаясь изложеніемъ кончины царя Федора Ивановича и воцаренія Бориса Годунова, затѣмъ представивши подробный мартирологъ бояръ Романовыхъ и ихъ родственниковъ, въ концѣ заключаетъ описаніе подвига спасенія И. Сусанинымъ жизни Михайла Федоровича.

По сказанію рукописи, ¹⁾ когда поляки и литва, пришедши въ безсиліе, 28 октября очистили Кремль и Москву и выслали оттуда всѣхъ бывшихъ у нихъ въ плѣну россіанъ, въ числѣ коихъ и вѣнокню Марѳу Ивановну съ сыномъ Михайломъ, послѣдніе не промедляя, выбыли въ Кострому, гдѣ основали себѣ жительство *первая* въ бывшемъ тамъ ея собственномъ домѣ позади женскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, а *послѣдній* уѣхалъ за 65 верстъ въ родовую ея вотчину Костромскаго округа, нынѣ Буйскаго, въ с. Домнино, въ коемъ еще отъ прадѣда его Василя Михайловича и дѣда Ивана Васильевича Шестовыхъ была устроена усадьба, господскій домъ и разныя заведенія съ садомъ... По пріѣздѣ Михайла Федоровича въ Домнино, увѣдомился онъ, какъ есть преданіе издревле, что по несогласію словъ на подданство Россіи королю Сигизмунду, поляки и литовцы съ наемниками ихъ разными партіями разоряютъ россійскія города и селенія, и что нѣсколько отдѣлившись изъ отряда гетмана литовскаго Хоткевича, ограбившаго и выжегшаго, съ избіеніемъ многихъ жителей, 22 сентября 1613 года городъ Вологду, по большой оттуда дорогѣ въ Кострому, бывшей тогда чрезъ Домнинскую вотчину, пробіраются къ селу Домнину, съ намѣреніемъ захватить его тамъ, и отослать въ Польшу или убить; имѣвши отъ россійскихъ измѣнниковъ свѣдѣніе о расположеніи къ нему народа на избраніе въ государи.— Увидавъ этотъ умыселъ злодѣевъ, Михайлъ Федоровичъ, предохраняя себя отъ плѣна или смерти, рѣшился изъ Домнина укрыться и одиноко ночью ушелъ по дорогѣ къ деревнѣ его Перевозу, но, не входя въ оную сажень за двѣсти, направился глубокимъ и лѣсистымъ оврагомъ, по протекающей небольшой рѣчкѣ Корбѣ къ ея верховью, не замѣтивъ отъ страха, что пошелъ къ той сторонѣ, которая не отдаляетъ, а приближаетъ, и что тою же ночью выпалъ небольшой снѣгъ,

¹⁾ См. Приложение III къ Журналу общаго собранія членовъ Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи отъ 8 сентября 1900 года.

на коемъ слѣды его замѣтны, и что выходъ его изъ Домнина къ Перевозу многія видѣли. — Такимъ образомъ продолжая путь свой, по Корбѣ, огибающей Домнино и съ сѣверовостока на полдень полукругомъ, версть около десяти, пришелъ къ деревнѣ своей Деревнищамъ, называемой нынѣ Деревеньки, построенной между Вологодскою дорогою и селомъ Домнинымъ, въ разстояніи не далѣе двухъ верствъ съ половиною прямого пути, составлявшей токмо одинъ домъ крестьянина его Ивана Сусанина вдоваго, гдѣ онъ жилъ съ дочерью Стефанидою, но она въ деревнѣ тогда не находилась, а была на работѣ, въ ономъ же оставался одинъ отецъ ея Сусанинъ, куда Михаилъ Ѳеодоровичъ, пришедши утромъ, просилъ укрыть отъ поляковъ и литовцевъ. На что Сусанинъ съ радостию согласился сохранить его въ ямникѣ сгорѣвшаго у него наکانунѣ овина. — А какъ многія головы въ ямникѣ курились и тлѣли, то Сусанинъ, разобравъ оныя, сдѣлалъ углубленіе и посадилъ туда своего Господина, положи ему нѣсколько хлѣба, соли и квасу, а сверху накрывши войлоками, обложилъ курящимися и тлѣющими головнями, потомъ же принялся въ деревнѣ на гуменикѣ по прежнему за работу, куда того же дня и вскорѣ наѣхали изъ Домнина по слѣду поляки и литовцы; не отыскавши Михаила въ его Домнинскомъ домѣ и услышавъ отъ жителей, что ушелъ къ деревнѣ Перевозу, пустились за нимъ въ погоню, имѣвши при себѣ даже собакъ, а въ Домнинѣ остаться не смѣли, дабы не окружили ихъ крестьяне той вотчины, болѣе четырехъ сотъ человекъ мужскаго пола и другихъ близкихъ къ Домнину, по рѣкѣ Шачѣ расположенныхъ, принадлежавшихъ боярамъ Михаилу и Петру Михайловичамъ Салтыковымъ, не менѣе двухъ тысячъ душъ вотчины села Молвитина, ибо въ то время, за освобожденіемъ Москвы отъ поляковъ и литвы, для истребленія ихъ партій по Россіи въ разныхъ мѣстахъ многія селенія собирались въ отряды и вооружались, поручая начальство надѣе собою даже крестьянамъ. — Но злодѣи оныя, прибывши въ деревню Деревнищи, увидали на работѣ одного токмо Сусанина и допрашивали оного подъ жестокими пытками о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, куда укрылся, ибо слѣды его въ той деревнѣ пропали; но Сусанинъ отрекался съ твердостью, что онъ въ деревню къ нему не приходилъ, посему, измучивши Сусанина, разрубили на мѣстѣ и изъ деревни выѣхали на большую Вологодскую дорогу, предполагая, что Михаилъ Ѳеодоровичъ выѣхалъ къ своимъ прежнимъ знакомымъ чрезъ Вологду на Бѣлое озеро, а собаки, бывшія при отрядѣ злодѣевъ, побѣгавъ около сгорѣвшаго овина, въ ямникѣ спуститься не смѣли, за потерю обонянія отъ дыма тлѣвшихъ и курившихся тамъ головень. — Бывшая же на работѣ внѣ дерев-

ни своей въ отдаленіи дочь Сусанина Стефанида набѣгъ туда поляковъ и литовцевъ видѣла, но явиться въ нее не посмѣла и, почевавши въ ближайшихъ кустарникахъ, пришла на другой уже день съ собравшимися вооруженными крестьянами изъ окольных деревень и оплакивала своего изрубленнаго отца; каковой плачь и крики народа, проклинавшаго жестокость злодѣевъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ услышавъ въ ямикѣ, подалъ о себѣ голосъ.— Почему крестьяне, раскидавъ его убѣжище, съ многочисленностью проводили къ матери Марѣ Ивановнѣ на Кострому, а тамъ онъ помѣстился въ мужскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ, огражденномъ каменною стѣною съ башнями и стрѣльницами на прожительство въ безопасности, которыя остаются цѣлостно и доселѣ съ ихъ желѣзными воротами, а въ Богоявленскомъ монастырѣ, тоже окруженномъ толстыми каменными стѣнами и башнями со стрѣльницами и желѣзными воротами, остаться не разсудилъ, по причивъ недавняго избіенія въ немъ братівъ.

Приведенный рассказъ, полный столь интересныхъ подробностей, чрезъ которыя однакоже обнаруживается нѣсколько фабулярный характеръ ихъ, конечно, не вполне соответствуетъ дѣйствительности, аналогично подобнымъ же сказаніямъ, и мы, по примѣру историка Д. И. Иловайскаго, не считаемъ правдоподобнымъ сказаніе относительно избраннаго юнымъ Михаиломъ способа спасенія путемъ ночного ухода оврагомъ, затѣмъ самаго укрывательства въ ямикѣ сгорѣвшаго овина, равно убіенія И. Сусанина въ Деревенищахъ. Не входя въ разсмотрѣніе рукописнаго сказанія по существу, мы признаемъ очень важнымъ то твердо выраженное въ немъ убѣжденіе, что Михаилъ Ѳеодоровичъ тогда находился въ своей вотчинной усадьбѣ—селѣ Домвинѣ, изъ котораго онъ удалился въ Ипатіевъ монастырь, и это убѣжденіе непререкаемо раздѣляется всѣми историками.

Между тѣмъ въ оперѣ «Жизнь за царя» представленъ иной пунктъ тогдашняго временнаго пребыванія Михаила Ѳеодоровича. Въ этой оперѣ въ историческій сюжетъ введена роль Вая, которому отецъ его Сусанинъ, невольный проводникъ поляковъ, знавшихъ, что избранный на царство Михаилъ Романовъ «живетъ въ своемъ костромскомъ помѣстьѣ», наказалъ ѣхать на конѣ «верхомъ прямымъ путемъ чрезъ мелкій боръ во весь опоръ», «чтобъ до зари до утренней увѣдалъ царя» о великой для него опасности,—самъ же Сусанинъ, догадавшись на счетъ злоумышленій поляковъ, рѣшилъ завести ихъ «въ темный лѣсъ, въ трясину» и тамъ загубить. Когда, по словамъ оперы, «бѣдный конь въ полѣ палъ,—Вая бѣгомъ добѣжалъ», еще ранѣе утренней зари, до стѣнъ монастыря, гдѣ въ палатахъ покоились Михаилъ

Феодоровичъ и мать его инокиня Марѳа. Въ ворота обители желѣзныя—чугунныя Ваня усиленно среди ночной тишины стучится, громкимъ крикомъ и воплемъ прося отпереть ихъ, побудить слугъ царскихъ проснуться, чтобъ скорѣй сѣдлатъ коней и собираться въ путь, иначе «на зарѣ къ нимъ нагрянетъ бѣда» отъ злодѣевъ — поляковъ.— Въ виду того, что въ оперѣ мѣстопробываніемъ Романовыхъ предъ набѣгомъ поляковъ представленъ монастырь, не можемъ не сказать, что здѣсь никакъ нельзя разумѣть ни Ипатіевскій, ни Макарево-Унженскій монастырь, ибо первый отстоялъ отъ с. Домнина на 70 верстъ, а послѣдній гораздо далѣе, — между тѣмъ Ваня еще до зари достигаетъ монастыря, что невозможно даже въ отношеніи Ипатіева монастыря, и тѣмъ болѣе, что на столь далекомъ пути къ нему Ваня легко могъ бы заблудиться или отъ ночного холода погибнуть. Значитъ, составитель текста оперы баронъ Розенъ здѣсь имѣлъ въ виду Желѣзноборовскій монастырь, который отстоитъ на 15 верстъ отъ села Домнина и куда Ваня, хотя не безъ препятствія, могъ прибыть «черезъ мелкій боръ» къ назначенному отцу времени. Отсюда, при условіи признанія историчности роли Вани, слѣдовало бы представлять дѣло такъ, что Михайль Феодоровичъ съ матерію инокинею Марѳою тогда временно проживалъ въ Желѣзноборовскомъ монастырѣ и по извѣщеніи Ваней объ опасности вынужденъ былъ изъ этой обители устремиться въ Ипатіевскій монастырь для вполне безопаснаго убѣжища. Однако же такое представленіе стоитъ совершенно одиноко, и при всеобщемъ признаніи села Домнина мѣстомъ тогдашняго пребыванія Романовыхъ не приходится много съ нимъ считаться. Можно полагать, что авторъ текста оперы «Жизнь за царя» или изображаетъ здѣсь нѣкоторую недостаточно провѣренную вариацию связанія о спасеніи Михайла Феодоровича Сусаннымъ или лучше думать, что, поэтически вводя роль Вани, авторъ самъ — искусственно представляетъ монастырь лишь въ цѣляхъ сценическихъ, театрално декоративныхъ, между тѣмъ— вопреки исторической обстановкѣ событія.

При томъ — рукописномъ и этомъ — оперномъ сказаніи отнюдь не отпадаетъ или, лучше, требуетъ надлежащаго обоснованія рѣшеніе вопроса, — гдѣ же именно Михайль Феодоровичъ съ матерію инокинею нашелъ безопасное для себя убѣжище отъ злыхъ умысловъ поляковъ, бывъ вынужденъ спасаться бѣгствомъ послѣ случайнаго укрывательства въ овинной ямѣ или послѣ своего пребыванія въ фиктивномъ монастырѣ? Въ брошюрѣ Л. Скворцова «Одинъ изъ безвѣстныхъ дѣятелей смутнаго времени» (Кострома, 1910 г.) высказано слѣдующее мнѣніе: «въ концѣ 1612 или въ

началъ 1613 года, когда Михаилъ Феодоровичъ съ родительницей своей, освободившись изъ Московскаго кремля, уѣхали въ костромскіе предѣлы, мать и сынъ Романовы жили то въ вотчинѣ своей — селѣ Домнинѣ, то въ Ипатіевскомъ, то въ Желѣзнодорожскомъ, то въ Унженскомъ монастырѣ, то въ г. Костромѣ... Михаилъ Феодоровичъ переѣзжалъ изъ монастыря въ монастырь..., предупреждаемый объ опасности въ той или другой мѣстности, спасаясь отъ преслѣдованія своихъ враговъ» (14 стран.). Если такъ было, то какой же монастырь могъ представлять для Романовыхъ болѣе надежное убѣжище? Таковымъ не могъ быть наир. Желѣзнодорожскій монастырь, гдѣ юный Михаилъ и мать его инокиня иногда жили нѣсколько времени. Монастырь этотъ отстоитъ на 15 верстъ отъ с. Домнина, находился тогда въ труднопроходимой чапѣ лѣсной. Для сына и матери Романовыхъ не было никакого резона тогда избрать этотъ монастырь ¹⁾ для своего убѣжища, такъ какъ здѣсь жизнь ихъ совершенно не была обезопасена вслѣдствіе безыскусственнаго примитивнаго укрѣпленія обители, притомъ малобратственной. Также въ пустынномъ или малолюдномъ мѣстѣ находился Макаріево-Унженскій монастырь, — въ которомъ Михаилъ Феодоровичъ малолѣтнимъ, во время пребыванія родителей въ ссылкѣ, сохранялся будто бы съ 1602 по 1605 г. (Бѣляевъ, (Скворцовъ) подъ покровительствомъ строителя изъ бояръ — старца Давида Хвостова. И въ Макаріевскомъ монастырѣ, который отстоялъ довольно далеко отъ с. Домнина, а отъ г. Костромы на 8—9 дней пути, Михаилъ Феодоровичъ и мать его по той же причинѣ не могли чувствовать себя безопасными отъ погребенія со стороны злобно преслѣдовавшихъ враговъ. Въ виду этого слѣдуетъ полагать такъ, что когда Михаилъ Феодоровичъ и его мать въ с. Домнинѣ получили извѣстіе чрезъ зятя Сусанина — Богдана Сабинина объ угрожающей для нихъ великой опасности, они сочли для себя небезопаснымъ не только дальнѣйшее пребываніе въ помѣстьяхъ, но и вообще укрывательство въ какомъ-либо глухомъ или провинціальномъ монастырѣ и тотчасъ же рѣшили и, конечно, во-время успѣли быстро уѣхать въ гор. Кострому, который представлялъ собой несомнѣнно центральное и устойчивое мѣсто въ защитно-боевомъ отношеніи.

Вотъ теперь естественно выступастъ кардинальный вопросъ, — гдѣ же въ г. Костромѣ они пребывали или, точнѣе, укрылись — въ осадномъ-ли дворѣ Марыи Ивановны, что въ кремлѣ, или же въ Ипатіевскомъ монастырѣ? Для рѣшенія этого вопроса не-

¹⁾ Въ 1613 году онъ подвергся нападенію и разгрому со стороны польско-литовскихъ шаекъ. — «Смутное время Московскаго Государства», Д. Иловайскаго, 1894 г. 253 стр.

обходимо обратить вниманіе прежде всего на современное разсматриваемымъ обстоятельствамъ внѣшнее состояніе костромского кремля, съ одной стороны, и Ипатіева монастыря, съ другой. Костромской кремль тогда, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ гор. Костромы отъ 1628—30 годовъ, состоялъ изъ земляныхъ валовъ, окопанныхъ глубокими рвами, осыпь же была окружена деревянною стѣною на протяженіи 511¹/₄ сажень; стѣны устроены съ 3 воротами и 14 башнями; «башни рублены всѣ кѣтками въ борозду; вышина острогу двѣ сажени съ полусаженью; подъ верхомъ были полати съ боемъ и подкотками»; стѣны и башни вооружены были огнестрѣльными орудіями — затянными пушками, коваными пищальми, волконами. Этотъ, по видимому, хорошо устроенный кремль однакоже не могъ являться прочнымъ; какъ видно изъ подрядныхъ записей, онъ скоро приходилъ въ ветхость и часто требовалъ ремонта своихъ стѣнъ деревянныхъ и осыпей земляныхъ и, какъ такой, костромской кремль естественно не могъ въ началѣ 1613 года представлять собой безусловно надежное, безопасное убѣжище для Михаила Ѳедоровича и матери его инокини Марѳы, вынужденныхъ въ настоящемъ критическомъ положеніи спастись отъ враговъ. Между тѣмъ, въ Ипатіевомъ монастырѣ уже съ 1586—1590 годовъ потомками основателя его (мурзы Чета, въ сороковыхъ годахъ 13 вѣка) боярами Годуновыми — Дмитріемъ и Иваномъ Ивановичемъ и конюшимъ Борисомъ Ѳедоровичемъ была сооружена на протяженіи 243 сажень окружавшая четырехугольное пространство крѣпкая каменная ограда съ 6 хорошо вооруженными башнями съ переходами по внутренней сторонѣ и амбразурами. Такая ограда представляла собою для тѣхъ временъ безусловно укрѣпленное мѣсто, — несомнѣнно болѣе устойчивую твердыню, чѣмъ деревянный кремль Костромской. Правда, каменная стѣны Ипатіевой обители перенесли въ 1609—10 годахъ нѣсколько военныхъ осадъ, но и тогда онѣ не потерпѣли существенныхъ поврежденій и продолжали представлять собою несомнѣнно сильную крѣпость. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого служитъ то, что когда «для осаднаго времени въ 127 (1619) году» совершалось вообще укрѣпленіе костромского кремля, даже былъ вновь построевъ посадскими людьми «новый городъ» въ видѣ «тарасъ косыхъ, какъ ставится острогъ лежачей» (Писц. кн.), — тогда признано было совершенно достаточнымъ для Ипатіева монастыря произвести лишь небольшую надстройку надъ крѣпкими по себѣ оградными стѣнами, и онѣ отнюдь не были переустроены или не были замѣнены новыми ¹⁾).

¹⁾ Что касается словъ Л. Скворцова: «плохой защитой могли служить тѣ стѣны Ипатіева монастыря, которыя первымъ долгомъ по сво-

Отсюда же небезосновательнымъ является тотъ выводъ, что Михаилу Федоровичу съ инокинею Мареою въ началѣ 1613 года естественнѣе всего было признать болѣе безопаснымъ убѣжищемъ Ипатіевъ монастырь съ его незыблемою крѣпостію, а не костромской кремль съ осаднымъ въ немъ дворомъ Марѣы Ивановны.

Но, вопреки высказанному утвержденію, нѣкоторые (Скворцовъ) находятъ возможнымъ предполагать, будто тогда «въ недостаточно укрѣпленной Костромѣ была внутренняя смута... неужели же когда даже начальникъ Костромы былъ приверженцемъ Владислава, можно было рассчитывать, что г. Кострома и Ипатіевскій монастырь могли быть надежной защитой для Романовыхъ?» — Внутренняя смута въ г. Костромѣ дѣйствительно была, однако она имѣла свое мѣсто въ началѣ марта 1612 года, когда воевода города Иванъ Шереметьевъ, поставленный на воеводство московскими боярами, желалъ подъ влияніемъ увѣщательныхъ ихъ грамотъ оставаться вѣрнымъ польскому королевичу Владиславу, почему и вознамѣрился не допустить въ городъ прибывшихъ подъ предводительствомъ князя Д. М. Пожарскаго нижегородскихъ ополченцевъ съ дружинами — для слѣдованія чрезъ г. Ярославль въ Москву на подвигъ очищенія ея отъ польскихъ и литовскихъ людей и для прекращенія воровства и грабежа подмосковныхъ казаковъ. Тогда нижегородцы съ дружинами вынуждены были остановиться вблизи посадовъ г. Костромы; но вскорѣ же среди обывателей города оказалось такое подавляющее большинство истинныхъ патріотовъ, что они, нисколько не устроясь Шереметьева, открыто присоединились къ ратнымъ ополченцамъ кн. Пожарскаго и Минина, и Пожарскій затѣмъ занялъ посады и вступилъ съ своимъ ополченіемъ въ Костромской кремль. Шереметьевъ тотчасъ былъ изложенъ самими костромичами, которые дѣйствительно весьма расположены были къ великому патріотическому предпріятію, и избѣжалъ смерти единственно при великодушнѣйшей защитѣ князя Пожарскаго. Послѣдній, по просьбѣ жителей г. Костромы, назначилъ имъ воеводой князя Романа Гагарина, и уже тогда внутренняя смута въ городѣ прекратилась совершенно. Послѣ того какъ въ октябрѣ 1612 года произошло очи-

---

емъ воцареніи Михаилъ Федоровичъ велѣлъ замѣнить новыми, то въ этомъ представленіи, очевидно, смѣшаны два одновременныя событія въ состояніи монастырскихъ стѣнъ: бывшая въ 1621 году нѣкоторая надстройка ихъ, безъ измѣненія прежняго плана, и произведенная въ 1642—43 годахъ пристройка къ этой надстроенной оградѣ новой каменной ограды на четырехугольномъ пространствѣ въ 144 сажени, съ двумя башнями по угламъ и третьею по срединѣ западной стѣны, такъ наз. Зеленою».

щеніе столицы государства отъ враговъ, въ Костромѣ совсѣмъ не было приверженцевъ королевича Владислава, и, стало быть, некому было извѣщать поляковъ о временномъ укрывательствѣ Михаила Ѳедоровича вообще въ г. Костромѣ, или, точнѣе, въ Платіевомъ монастырѣ. Если же искомые Романовы Михаилъ Ѳедоровичъ и инокиня Марѳа не могли оставаться неизвѣстными въ этомъ монастырѣ, какъ находящемся рядомъ съ большимъ городомъ, то нельзя при этомъ опускать изъ вида то обстоятельство, что поляки бродили тогда партіями, отрядами и въ такомъ незначительномъ количествѣ, что какая либо польско-литовская шайка теперь, въ концѣ февраля или въ самомъ началѣ марта 1613 г., не могла осмѣлиться на вѣрную гибель свою произвести осаду Платіева монастыря, если бы даже увѣрена была въ пребываніи Романовыхъ въ стѣнахъ его.

Но, съ другой стороны, цѣлесообразно ли было для Михаила Ѳедоровича и инокини Марѳы избирать какъ надежное убѣжище тотъ монастырь, который пользовался извѣстнымъ покровительствомъ самихъ бояръ Годуновыхъ, изъ коихъ Борисъ Ѳедоровичъ сдѣлался врагомъ Шестовыхъ-Романовыхъ? Такъ, по его распоряженіямъ, бояринъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ въ 1601 году постриженъ въ монахи съ именемъ Филарета и сосланъ въ Холмогорскій Антоніевъ Сійскій монастырь, жена же его Ксенія Ивановна въ иночествѣ Марѳа отправлена въ заонежскіе погосты Толвую и Чезмыжъ, и другихъ Романовыхъ ¹⁾ Борисъ, властитель государства, также разослалъ по монастырямъ и тюрьмамъ. Эта опала на фамилію бояръ Романовыхъ становится понятной, если представимъ родственныя отношенія Романовыхъ и Бориса Годунова къ царственному роду. Царь Ѳедоръ Ивановичъ родился отъ первой изъ осьми женъ Іоанна Васильевича—Анастасіи Романовны, сестры боярина Никиты Романовича, отъ котораго—Ѳедоръ Никитичъ, въ иночествѣ Филаретъ, отецъ Михаила. Слѣдовательно, Михаилъ Ѳедоровичъ приходился двоюроднымъ племянникомъ царю Ѳедору Ивановичу; послѣдній же былъ женатъ на Иринѣ, сестрѣ Бориса Годунова. При бездѣтности царя Ѳедора Ивановича, Михаилъ Романовъ считался по праву наслѣдникомъ трона, и кандидатура его уже при кончинѣ этого царя была вы-

¹⁾ Такъ тещу Ѳедора Н.,—дворянку Шестову—въ Чебоксары, въ Никольскій дѣв. монаст; Александра Никитича—въ Усолье Луду къ Бѣлому морю; третьяго Романова, Михаила—въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость;—четвертаго, Ивана,—въ Пелымъ; пятаго, Василья, въ Яренскъ; зятя ихъ, князя Бориса Черкаскаго съ женою и съ дѣтьми ея брата—Ѳедора Никитича, съ шестилѣтнимъ Михаиломъ и съ юной дочерью—на Бѣло-озеро и т. д.

двинута на первый планъ, но ее тогда успѣлъ устранить интриганъ, явно претендовавшій на корону, Борисъ Годуновъ, тѣмъ болѣе, что во все время царствованія богомольнаго Федора Ивановича правленіе государствомъ фактически находилось въ рукахъ Бориса — шурина его. По смерти 7 января 1598 года царя Федора, этого послѣдняго варяжскаго князя изъ династїи св. Владиміра, Борисъ Годуновъ избранъ 21 февраля царемъ; но вслѣдствіи открывшихся въ 1601 году страшнаго голода и чумы, какія бѣдствія народъ призналъ Божиимъ наказаніемъ за явно подозрѣваемое имъ участіе Бориса въ убіеніи въ Угличѣ царевича Дмитрія (1 мая 1591 г.), царь Борисъ Федоровичъ быстро потерялъ популярность, и вотъ изъ опасенія его за свой царскій тронъ послѣдовало удаленіе бояръ Романовыхъ на дикія окраины Россіи. Отсюда же, въ царствованіе Бориса покровительствуемый вообще боярами Годуновыми Ипатіевъ монастырь, конечно, не могъ бы считаться надежнымъ убѣжищемъ или безопаснымъ пріютомъ для Михаила Федоровича и матери его инокини Марѳы, такъ какъ несомнѣнно монастырь этотъ былъ близокъ и самому царю Борису Годунову. Но если у послѣдняго изъ династическихъ расчетовъ существовали враждебныя отношенія къ боярамъ Романовымъ, то со смертію Бориса 13 апрѣля 1605 года у другихъ бояръ Годуновыхъ притомъ въ началѣ 1613 года могли быть совершенно иныя отношенія къ Романовымъ, не враждебнаго характера, и, въ это-то время избирая убѣжищемъ для себя Ипатіевъ монастырь, Михаилъ Федоровичъ и инокиня Марѳа не могли представлять или ожидать для себя никакихъ опасностей отъ Годуновыхъ.

Сверхъ того, слѣдуетъ принять во вниманіе то, что со смертію Федора Борисовича Годунова (1 іюня 1605 г.) и Марїи, жены царя Бориса, считавшихся попечителями Ипатіева монастыря, послѣдній поступилъ на попеченіе уже Федора Никитича Романова — въ иночествѣ Филарета, такъ какъ ему этотъ монастырь подаренъ Лжедмитріемъ (Д. Иловайскій, 43 стр.; С. Платоновъ, 253 стр.), который въ день своего коронованія 30 іюля 1605 г. назначилъ Филарета ростовскимъ митрополитомъ, почему бывшая его супруга инокиня Марѳа съ сыномъ Михаиломъ тогда и поселилась въ Ипатіевомъ монастырѣ, къ тому же принадлежавшемъ къ епархіи Филарета. Отъ Филарета Никитича, который и вторымъ самозванцемъ (возведшимъ его въ тушинскомъ лагерѣ въ патріаршее достоинство, «чтобы имѣть собственнаго патріарха и противопоставить его Гермогену», — Д. Иловайскій, 108 стр.) утвержденъ во владѣніи Ипатіевымъ монастыремъ, послѣдній естественно поступилъ на ближайшее попеченіе сына его Михаила Федоровича. Къ этому же юному Романову родственные

Борису Годуновы, явно уже утратившіе государственное свое значеніе, не могли питать вражды, нерасположенія теперь, спустя слишкомъ семь лѣтъ по смерти главнаго врага Романовыхъ, тѣмъ болѣе, что Годуновымъ не были неизвѣстны почти всеобщія симпатіи и выборныя въ Москвѣ голоса въ пользу Михаила Ѳедоровича. Отсюда же и монахи Ипатіевой обители, при всемъ традиціонномъ уваженіи къ фамиліи Годуновыхъ, какъ благотворителей ея, теперь никакъ не рѣшились отказать въ благосклонномъ приѣмѣ попечителю монастыря Михаилу Романову. Подтверженіе того, что онъ фактически состоялъ попечителемъ или былъ какъ бы хозяиномъ Ипатіева монастыря, представляетъ самое назначеніе инокини Марѳы и Михаила Ѳедоровича московскому посольству совершить приѣмъ его въ этомъ монастырѣ какъ своемъ. Такимъ образомъ, по самому праву и притомъ безъ всякихъ опасеній за злобныя къ себѣ отношенія со стороны Годуновыхъ и самыхъ монаховъ юный Михаилъ и инокиня Марѳа въ началѣ 1613 года избрали въ критическое для нихъ время убѣжище въ томъ монастырѣ, который покровительствуемъ и украшаемъ былъ и Борисомъ Годуновымъ. Къ тому же, съ 21 февраля того года наступилъ Великій постъ, на какое время цари и бояре, по благочестивому древнему обычаю, ¹⁾ нерѣдко помѣщались въ монастыряхъ для душеспасенія, для сохраненія или поддержанія добраго христіанскаго покаяннаго настроенія. Что касается того, что въ Наказѣ земскаго собора московскому посольству не назначено ему прибыть именно въ Ипатіевъ монастырь въ г. Костромѣ, то, конечно, потому, что въ Москвѣ не было точно извѣстно, гдѣ въ костромскихъ предѣлахъ тогда находился новоизбранный государь Михаилъ Ѳедоровичъ ²⁾; объ опредѣленномъ мѣстопребываніи его посольство узнало только по прибытіи 13 марта въ Новоселки (нынѣ Селища), гдѣ жилъ князь Иванъ М. Глинскій, родной дядя царя Іоанна IV.

¹⁾ О существованіи этого обычая можно читать въ сочиненіяхъ: И. Забѣлина «Домашній бытъ русскихъ царей»; В. Назаревскаго «Русская исторія»; прот. М. Хитрова: «Великіе дни въ древней Руси» и др.—Въ рѣчи костромскаго епископа Платона 10 мая 1859 года по случаю освященія храма во имя св. Хрисанова и Дарія, устроеннаго надъ св. вратами Ипатіевой обители, сказано: «Михаилъ Ѳедоровичъ, ничего не зная (о своемъ избраніи на царство), проводилъ св. Четырнадцатницу въ сей обители въ постѣ и молитвѣ; Промыслъ чрезъ сіе приготавливалъ его къ великому подвигу царскаго служенія» (соч. прот. Островскаго, 276 стр.; ср. рѣчь отъ 29 сент. 1863 г. на 282 стр.).

²⁾ Въ Наказѣ поэтому сказано: «ѣхать къ государю—царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всяя Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ государь будетъ».

Наконецъ, если допустить, что Михайлъ Федоровичъ съ матерію инокинею тогда пребывали или укрывались въ кремлевскомъ своемъ осадномъ дворѣ, то выходило бы въ нѣкоторомъ родѣ абсурдное положеніе, какое и высказано въ такой формѣ: «когда получилось извѣстіе, что московское посольство приближается къ г. Костромѣ, Михайлъ съ матерію Мареою Ивановной, по просьбѣ костромичей, переѣхалъ для приѣма посольства въ кельи Ипатіевскаго монастыря» (Скворцовъ Л.). Значитъ, пребываніе ихъ въ этой обители считается не болѣе какъ только перемѣщеніемъ ихъ сюда; а такимъ образомъ, самъ собою возникаетъ вопросъ,—ужели переселились они—Романовы для того только, чтобы въ этомъ монастырѣ принять московское посольство для большей торжественности, при соединенной московской и костромской крестной процессіи?! Не представлялось ли болѣе удобнымъ и какъ бы естественнымъ совершить такой приѣмъ въ самомъ костромскомъ кремлѣ, гдѣ сосредоточены были всѣ гражданскія власти и гдѣ въ Успенскомъ соборномъ храмѣ издревле пребывала и пребываетъ великая костромская святица—чудотворная Феодоровская икона Божіей Матери?!

Но что по дебатруемому вопросу говорятъ документы, также древніе и новыя историка?—Въ прошеніи потомковъ Ивана Сусанина, поданномъ въ 1731 году въ Московскій приказъ, между прочимъ, такъ написано: «121 (1613) года приходилъ изъ Москвы на Кострому царь Михайлъ Федоровичъ съ матерію своею и были въ Костромскомъ уѣздѣ въ селѣ Домнинѣ... польскіе люди, поймавъ многихъ языковъ, пытали и спрашивали про него государя и языки сказали, что онъ въ селѣ Домнинѣ; и въ то время прадѣдъ ихъ села Домнина крестьянинъ Иванъ Сусанинъ взятъ поляками, а дѣда ихъ Богдана Сабинина, своего зятя Сусанинъ отпустилъ въ Домнино съ вѣстью, чтобы государь шелъ на Кострому въ Ипатіевскій монастырь» («Описаніе Ипатскаго монастыря», прот. М. Діева, 1858 г., 83—84 стр.; Костр. Губ. Вѣдом. 1852 г. № 12). Изъ мѣстныхъ изслѣдованій въ сочиненіи прот. М. Діева, авторитетнаго костромскаго историка, читаемъ на 63—64 страницахъ: «получивши свободу изъ московскаго плѣна въ октябрѣ 1612 года, когда князь Д. М. Пожарскій возшелъ въ кремль, отданный ему поляками, Марѳа Ивановна съ Михайломъ Федоровичъ отправилась въ Домнинскую вотчину.... Прежде нежели послы прибыли приглашать Михаила на царство, поляки и литовцы тайно пробрались въ Домнинскую вотчину въ намѣреніи убить его; довѣдывали у крестьянина Ивана Сусанина, гдѣ находится бояринъ его Михайлъ Федоровичъ; но Сусанинъ, зная о мѣстѣ, гдѣ скрывается Михайлъ, сочелъ за лучшее пре-

терять смерть, чѣмъ открыть такой важности государственную тайну... За патриотическій обманъ поляки убили Сусанна. Между тѣмъ Михаилъ Федоровичъ скрылся въ Ипатіевомъ монастырѣ». Изъ другихъ мѣстныхъ историковъ пишетъ протоіерей П. Островскій такъ: «мать и сынъ спѣшатъ отъ близкой опасности въ Домнина въ Кострому и скрываются въ Ипатіевскомъ монастырѣ» (27 стр.). Въ сочиненіи В. Самарянска «Палаты бояръ Романовыхъ», изд. 1882 г., читаемъ: «родоначальникъ Царствующаго Дома Михаилъ Федоровичъ во время междуцарствія въ стѣнахъ Ипатіева монастыря нашелъ убѣжище отъ враговъ послѣ ихъ неудачнаго покушенія на жизнь его во время пребыванія въ Домнина» (34 стр.). Изъ выдающихся историковъ Россіи вообще вотъ что сказано Н. Устряловымъ въ «Русской исторіи»: «за Московію присягнула вся Россія съ тѣмъ же единодушіемъ, прежде чѣмъ послы земскаго собора успѣли прибыть въ Костромскую Ипатіевскую обитель, гдѣ находился Михаилъ Федоровичъ съ матерію своею старицею Мареою, не вѣдая и не помышляя о великомъ назначеніи его» (1 т., изд. 1855 г., 297 стр.; ср. соч. С. Соловьева «Исторія Россіи», 9 т., изд. 1859 г. 4 стр.; Н. Костомарова, «Смутное время», 3 т., изд. 1868 г.; А. Трачевскаго «Русская исторія», изд. 1895 г. 316 стр.; В. Назаревскаго, 1907 г. 1 т., 376 стр.). Въ книгѣ «Лекціи по русской исторіи» С. Ѳ. Платонова, изд. 1901 г., значится на 253 страницѣ: «изъ Домнина Михаилъ Федоровичъ съ матерію переѣхалъ въ Кострому, въ Ипатіевскій монастырь, который поддерживался вкладами Бориса и при Лжедимитріи былъ подаренъ послѣднимъ Романовымъ за все претерпѣнное ими отъ Бориса». Мистическій историкъ Д. И. Иловайскій съ особенною выразительностію утверждаетъ, что по извѣщеніи Сабининымъ объ угрожающей опасности отъ поляковъ, изъ Домнина «старица Марea уѣхала съ сыномъ своимъ въ гор. Кострому; но они поселились не въ самомъ городѣ, а укрылись за каменными стѣнами Ипатіевского монастыря» (253 стр.). Такъ цѣлая плеяда этихъ весьма авторитетныхъ и самостоятельныхъ историковъ категорически признаетъ Ипатіевъ монастырь мѣстомъ временнаго убѣжища Михаила Федоровича съ матерію инокинею по удаленіи ихъ изъ с. Домнина, и гдѣтъ возможности или резоновъ оспаривать согласныя свидѣтельства ихъ, основанныя на документахъ. Что же касается показанія князя Козловскаго, что по прибытіи изъ с. Домнина «въ Костромѣ Михаилъ Федоровичъ съ своею матерію остановился въ своемъ осадномъ дворѣ» (96 стр.), то въ виду не критичности появившагося въ 1840 году сочиненія его подъ заглавіемъ «Взглядъ на исторію города Костромы» вѣтъ нужды вступать въ опроверженіе, ибо какой же историкъ

нынѣ рѣшится признавать князя Козловскаго за авторитетъ и по-
этому считается съ нимъ?!

Наконецъ, только при признаніи той истины, что въ концѣ февраля и въ началѣ марта 1613 года въ Ипатіевскомъ монастырѣ нашелъ для себя надежное убѣжище отъ преслѣдованій злобныхъ поляковъ Михайла Ѳедоровичъ, родоначальникъ Царственнаго Дома Романовыхъ, вполне удовлетворительно объясняются особенно глубокое уваженіе и великая щедродательность къ этой обители самого царя Михаила Ѳедоровича и царственныхъ его потомковъ. Особенно приснопамятны для Ипатіева монастыря благодѣянія сына его Алексѣя Михайловича, по грамотѣ котораго отъ 25 марта 1650 года съ роскошью возсозданъ здѣсь величественный Троицкій пятиглавый храмъ соборный послѣ того, какъ онъ во многихъ частяхъ разрушился отъ взрыва пороха 29 января 1649 года. Затѣмъ, не можемъ не указать на то, что и царственные внуки Михаила Ѳедоровича оказывали рѣдкое для нихъ вниманіе къ Ипатіеву монастырю. Между прочимъ, въ книгѣ В. Самарянова читаемъ слѣдующее: «двѣ церкви, существовавшія въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка надъ святыми и вѣздными воротами — одна во имя св. Ѳеодора Стратилата, а другая — во имя св. великом. Ирины и послѣ литовскаго разоренія долго стоявшія безъ иѣщія, возстановлены въ царствованіе государей Іоанна и Петра Алексѣевичей съ переименованіемъ одной изъ нихъ во имя св. Іоанна Предтечи, а другой — во имя св. ап. Петра и Павла (видимо, въ честь тезоименитствъ) въ благодарность этимъ царямъ за оказанныя ими благодѣянія этому монастырю» (66 стр. цитов. соч.; «Описаніе Ипатіева монастыря», еп. Павла, 1832 года 26—27 стр.). Нельзя здѣсь не замѣтить, что столь благосклонно относился къ Ипатіевой обители тотъ царь Петръ, который вообще не любилъ монастырей, даже со временемъ не безъ усердія закрывалъ ихъ. Императрица Екатерина II, относившаяся къ монастырямъ въ духѣ Петра, во время своего посѣщенія Ипатіева монастыря 15 мая 1767 года, слѣдовательно, спустя три года послѣ учрежденія извѣстныхъ монастырскихъ штатовъ, изволела по осмотру зданій и царственныхъ келій пожаловать епископу Дамаскину три тысячи рублей на нужды св. обители. Императоръ Николай Павловичъ, послѣ посѣщенія Ипатіева монастыря 7 октября 1834 года, исключительно во вниманіе къ тому неоспоримому факту, что эта обитель въ началѣ 1613 года послужила убѣжищемъ для Родоначальника династіи Романовыхъ, повелѣлъ возобновить знаменитый по историческому событію Ипатіевъ монастырь и особенно келарскія кельи въ немъ или дворецъ Михайла Ѳедоровича. По повелѣнію отъ 1859 года Императора

Александра II, съ большимъ вниманіемъ осматривавшаго этотъ дворецъ въ 1837 и 1858 годахъ, произведена на государственныя средства реставрація этого зданія въ стилѣ XVII вѣка, и обновленный дворецъ Романовыхъ торжественно 30 сентября 1863 года освященъ костромскимъ епископомъ Платономъ. Императоръ Александръ Александровичъ въ концѣ іюня 1882 года изволилъ въ этомъ какъ семейномъ дворцѣ Романовыхъ принимать представителей г. Костромы. Наконецъ, въ виду предстоящаго въ 1913 году празднованія трехсотлѣтней 14 марта годовщины царствованія Дома Романовыхъ, по Высочайшему отъ 6 января 1911 года утвержденію заключенія Совѣта Министровъ, назначено изъ государственныхъ суммъ (на счета кредита на непредусмотрѣнныя смѣтами экстренныя надобности) 97.536 рублей на производство ремонтныхъ и реставраціонныхъ работъ въ Троицкомъ соборномъ храмѣ Ипатіевскаго монастыря, столь достопамятномъ по событію воцаренія въ немъ Михаила Ѳедоровича. Еще, недавно (въ концѣ минувшаго іюня) отъ г.г. членовъ С.-Петербургскаго Комитета по ремонту и реставраціи этого же храма стало мнѣ извѣстно, что нынѣ составлена особая смѣта на ремонтъ дворца Михаила Ѳедоровича. Конечно, столь выдающееся благорасположеніе и весьма цѣнное вниманіе къ Ипатіеву монастырю оказывается по живому представленію того, что въ немъ именно въ началѣ 1613 года пребывалъ Родоначальникъ Царствующаго Дома,—въ немъ отъ злодѣйства поляковъ спасена жизнь цѣлой династіи Романовыхъ; отсюда очевидно великое значеніе Ипатіева монастыря.

Такъ, въ виду обрисованныхъ положеній костромскаго кремля и Ипатіева монастыря, равно изъ самыхъ обстоятельствъ и отношеній фамиліи Романовыхъ къ Годуновымъ, также въ виду согласнаго удостовѣренія авторитетныхъ историковъ Россіи и соответственно несумнительнымъ мѣстнымъ традиціямъ вообще и въ частности Ипатіевскаго монастыря, слѣдуетъ признать истиннымъ лишь то издавна усвоенное во всей Россіи представленіе, что шестнадцатилѣтній Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ съ матерію инокинею Марѳою въ концѣ февраля и въ началѣ марта 1613 года нашли и имѣли для себя вполне безопасное убѣжище дѣйствительно въ Ипатіевскомъ монастырѣ,—въ которомъ тогда отведены были для ихъ помѣщенія келарскія или намѣстничья кельи, какъ болѣе удобныя и благоустроенныя,—почему этимъ историческимъ кельямъ уже съ конца XVII вѣка усвоены названія «царскихъ теремовъ» и «дворца Михаила Ѳедоровича».

(Перепечатка статьи, безъ разршенія автора, воспрещается).

